

**Чернышевский Николай Гаврилович**

**Антропологический принцип в  
философии**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Н63

Н63      **Николай Гаврилович Ч.**  
Антропологический принцип в философии / Чернышевский Николай Гаврилович – М.:  
Книга по Требованию, 2023. – 109 с.

**ISBN 978-5-521-30116-4**

**ISBN 978-5-521-30116-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



**Библиотека** должна будетъ совмѣстить въ себѣ все главное, что было опубликовано по социальнымъ и экономическимъ вопросамъ, и въ особенности съ эпохи появленія на свѣтъ *Международнаго Товарищества Рабочихъ*. Говоримъ: въ особенности, потому что съ этой эпохи вопросы эти стали получать большую определенность, такъ сказать воплощенность и жизненность, которая до того была неизвестна и о которыхъ, къ сожалѣнію, едва ли не большинство русской интеллигенціи имѣетъ не совсѣмъ отчетливое представленіе, все еще блуждая между авторитарными теоріями коммунизма и якобинизма, теоріями много утратившими своего значенія съ возникновеніемъ *Международнаго Товарищества Рабочихъ*, и которыми *Парижская Коммуна*, можно надѣяться, нанесла послѣдній coup de grâce.

Стало бытъ, издать рядъ сочиненій, въ которыхъ устанавливались бы болѣе правильные взгляды на социально-экономическія отношенія всего живущаго своимъ трудомъ человечества и разоблачались бы ложность и своекорыстная софистика политической экономіи и такъ называемыхъ политическихъ и философскихъ наукъ, — будетъ не главною, а единственною заботой издателей и единственною цѣлью **Русской социально-демократической Библиотеки**.

С. ЖЕМАНОВЪ.

ВВ. — Желающимъ приобрести для провоза въ Россію заразъ нѣсколько экземпляровъ **Русской Соціально-демократической Библиотеки**, а именно не менѣе 10, дѣлается слѣдующая скидка съ означенной на изданіи цѣны: отъ 10 до 40 экземпляровъ — 25 %, а свыше 40—40 %. — Съ требованіями обращаться въ типографію Трусова.

Для слѣдующихъ выпусковъ въ редакціи Библиотеки  
имѣются :

1. *Etude sur le mouvement communaliste* Лефрансе (переводится).
2. *Etude sur les doctrines sociales du christianisme* Гюйо и Лакруа (переводится).
3. *Конгрессы Международнаго Товарищества Рабочихъ.*
4. *Уничтоженіе государства* Энглендера.

Н. Г. Чернышевскаго :

5. *Борьба партій во Франціи* при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.
6. *Юльская монархія.*
7. *О землѣ, какъ элементъ богатства.* (Библиографія.)
8. *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала.* (Критика.)

NB. Всѣ его статьи, не вошедшія въ заграничныя изданія, предложены въ наше распоряженіе.

—

Адресоваться за свѣдѣніями въ Типографію А. Трусова :  
Chemin de la Tour, 2, (à la Cluse), à M<sup>r</sup> Trousoff.

# АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ

## ВЪ ФИЛОСОФІИ

---

(Очерки вопросовъ практической философіи. Сочиненіе  
П. Л. Лаврова. I. Личность. Спб. 1860.)

### I.

Если бы брошюра г. Лаврова могла служить только предметомъ критическаго разбора, и если бы мы стали читать ее съ мыслью написать потомъ разборъ понятій, излагаемыхъ въ ней, мы съ первыхъ страницъ отказались бы отъ ея чтенія, потому что, — скажемъ откровенно, — мы не читали большей части тѣхъ многочисленныхъ книгъ, которыя приняты въ соображеніе авторомъ, и даже думаемъ, что никогда не прочтемъ ихъ; а безъ знакомства съ ними нельзя съ точностью оцѣнить спеціальнаго достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами, она даже послужила причиною того, что мы написали довольно длинную статью, имѣющую самыя тѣсныя отношенія къ ней.

Изслѣдованія г. Лаврова прямо начинаются ссылкой на писателя, изъ книгъ котораго ни одна не прочтена нами, — цитатою изъ Жюль Симона, очень извѣстнаго французскаго теоретика. Если бы мы не знали, къ какому направленію принадлежитъ этотъ писатель, довольно было бы намъ увидѣть двѣ строки, приводимыя

изъ него въ самомъ началѣ брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться съ нимъ : „сочиненіе, относящееся къ политической теоріи и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость,“ говоритъ Жюль Симонъ, по свидѣтельству г. Лаврова, въ началѣ своей книги „Свобода“. Этого десятка словъ, приведенныхъ изъ него, достаточно, чтобы замѣтить въ ихъ авторѣ совершенное непониманіе того порядка, по которому проходятъ всѣ дѣла на свѣтѣ и между прочимъ ишутся теоретическія сочиненія. Нынѣ политическія теоріи создаются подѣ вліяніемъ текущихъ событій и ученые трактаты служатъ отголосками исторической борьбы, имѣютъ цѣлью задержать или ускорить ходъ событій. По мнѣнію Жюля Симона, прежде было не такъ, — иначе онъ не употребилъ бы слова „теперь“. Этого мало : Жюлю Симону кажется также, что всѣ люди нашей эпохи, а въ томъ числѣ и ученые, поступаютъ не совсѣмъ хорошо, являясь не простыми представителями или послѣдователями абстрактныхъ ученій, не имѣющими никакого родства съ страстями своей страны въ свое время, а истолкователями и защитниками стремленій каждый своей партіи : еслибъ онъ не порицалъ ихъ за это, онъ не называлъ бы свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики“. Наконецъ, онъ воображаетъ, что можетъ обмануть читателей, или чистосердечно полагаетъ самъ, что говоритъ правду, титулуя свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики“. Подѣ вліяніемъ трехъ этихъ воззрѣній написаны слова, приведенныя изъ Жюля Симона г. Лавровымъ, и всѣ эти три воззрѣнія ошибочны до такой очевидности, что свидѣтельствуютъ или о необыкновенной наивности и недалекости Жюля Симона, или о совершенномъ недостаткѣ правдивости въ его языкѣ. Мы склоняемся къ первому предположенію, потому что человѣкъ хитрый умѣетъ хитрить, а Жюль Симонъ говоритъ несообразности слишкомъ явныя, которыя могутъ внушаться только крайнею наивностью.

Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія, создавались всегда подѣ сильнымъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадле-

жали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, борющихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся специально политическою стороною жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждого: Гоббсъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ — республиканецъ, Монтескьё — либераль въ англійскомъ вкусѣ, Руссё — революціонный демократъ, Бентамъ просто демократъ, революціонный или переволуціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дальше: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ представитель партіи, запуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патриотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣренный либераль, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ неспроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто бы не было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы подъ вліяніемъ политическихъ убѣжденій — это чрезвычайная наивность, а еще наивнѣе выражать такую мысль о тѣхъ мыслителяхъ, которые занимались

въ особенноти политическимъ отдѣломъ философской науки.

Но, пусть себѣ будутъ похожи или непохожи на прежнихъ мыслителей нынѣшніе мыслители тѣмъ, что служатъ представителями политическихъ партій; какъ бы тамъ ни было въ старину, а теперь мы видимъ, что каждый человѣкъ съ развитою головою очень сильно интересуется политическими событіями: газету читаютъ даже тѣ люди, которые не въ состояніи читать книгъ сколько нибудь серьезныхъ; чѣмъ же виноваты мыслители нашей эпохи, когда не отстаютъ въ умственномъ развитіи отъ офицеровъ и чиновниковъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и мастеровыхъ? Развѣ мыслителю необходимо быть тупоумнѣе и слѣпнѣе каждаго грамотнаго человѣка. Всякій, достигшій какой нибудь умственной самостоятельности, имѣетъ политическія убѣжденія, судить обо всемъ по соображенію съ ними, — чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется? Неужели учитель долженъ быть невѣжественнѣе ученика? Неужели человѣкъ, пишущій о предметѣ, долженъ интересоваться имъ меньше, чѣмъ интересуются люди, не принимающіе на себя претензіи печатать теорію этого предмета? Нужна баранья наивность, чтобы порицать ученаго за то, что онъ не глупѣе и не тупѣе неученыхъ людей.

Но забавнѣе всего простодушіе, съ какимъ Жюль Симонъ хочетъ убѣдить публику или успѣлъ убѣдить даже самого себя, будто бы его книга чужда текущей политики. Мы слыхивали о характерѣ теоретическихъ книгъ, писанныхъ Жюлемъ Симономъ въ разные годы. При іюльской монархіи его доктрина отличалась умѣреннымъ духомъ свободы и снисходительными полудобреніями, полупорицаніями людямъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Во время республики элементъ свободы припрятался у него подъ ожесточенною реакціею противъ рѣшительныхъ прогрессистовъ, которые тогда едва не захватили власть въ свои руки. Когда упрочилась имперія, и рѣшительные прогрессисты стали казаться

безсильными, а реакція совершенно восторжествовала, Жюль Симонъ сталъ писать въ духѣ очень яростнаго свободолюбія. Изъ этого мы видимъ, что его теоріи отражали на себѣ не просто только убѣжденія его партіи, а подчинялись даже каждому кратковременному состоянію чувства этой партіи. Еслибъ мы и не читали объ этомъ фактѣ, мы навѣрное могли бы знать, что дѣло происходило такимъ образомъ; для насъ довольно было бы знать, что Жюль Симонъ пользуется во Франціи нѣкоторою репутаціею и слѣдовательно не совершенно лишень ума: умный человѣкъ не можетъ не замѣчать событій, происходящихъ около него, не приписывать ихъ въ соображеніе, стало быть и его система не можетъ не отражать на себѣ хода событій. Это понимаетъ всякій, кромѣ немногихъ, слишкомъ наивныхъ людей. Г. Лавровъ прямо замѣчаетъ, что цитируемый имъ авторъ не сдержалъ своего несбыточнаго обѣщанія. А если такъ, къ чему было Жюлю Симону взводить на себя неправдоподобную небывицу—увѣреніемъ въ изолпрованности своей системы отъ вліянія текущей политики?

Человѣкъ, который говоритъ такіа наивныя несообразности, можетъ быть добродѣтельнымъ семьяниномъ, хорошимъ гражданиномъ, пріятнымъ болтуномъ; но мыслителемъ онъ быть не можетъ, потому что у него въ головѣ нѣтъ логики. Если онъ сдѣлается писателемъ, его произведенія могутъ имѣть достоинства беллетристическія, археологическія и всякія другія, но не могутъ имѣть ровно никакого философскаго значенія. Поэтому мы лишаемъ себя всякой надежды прочесть философскія сочиненія Жюля Симона. Если бы мы захотѣли фельетонныхъ достоинствъ, мы прямо стали бы читать фельетоны г-жи Эмиль Жирарденъ, Луи Дюнойе, Теофиля Готье; если бы захотѣли наслаждаться поэзіею, мы стали бы читать романы Жоржа Занда, пѣсни Беранже; если бы, наконецъ, мы захотѣли просто читать пустую болтовню, мы взяли бы за романы Александра Дюма-старшаго, или, пожалуй, младшаго, или даже маркиза Фудраса; но какая охота была бы намъ читать философскія книги Жюля Симона, въ которыхъ можетъ быть много пріятной болтовни, фельетонной соли или даже

поэзии, но которыя все таки, по самому своему предмету, далеко отстаютъ этими достоинствами отъ порядочныхъ фельетоновъ, хорошихъ и даже плохихъ романовъ, а не имѣютъ того достоинства, изъ за котораго становится интереснымъ философское сочиненіе, — не имѣютъ логики?

Точно также мы не думаемъ, чтобы намъ удалось прочесть сочиненія нынѣшняго Фихте, о которомъ извѣстно намъ то, что о немъ всегда выражаются „сынъ знаменитаго Фихте“. Такая рекомендація напоминаетъ намъ анекдотъ, случившійся въ Петербургѣ лѣтъ пять или шесть тому назадъ. Встрѣтились гдѣ-то на вечерѣ два незнакомые господина и, потолковавъ между собою, почувствовали желаніе познакомиться. „Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?“ — „Я мужъ г-жи Тедеско,“ отвѣчалъ его собесѣдникъ. Мы никогда не имѣли охоты слушать пѣніе мужа г-жи Тедеско.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя отнимаютъ у насъ возможность познакомиться съ сочиненіями Жюль Симона и Фихте-сына, мы не читали и не прочтемъ философскихъ произведеній Шопенгауэра и Фраунштета. Они, по всей вѣроятности, прекрасные люди, но въ философіи они тоже самое, что въ поэзіи г-жа К. Павлова, одно изъ произведеній которой, „Разговоръ въ Кремлѣ,“ также цитруется г. Лавровымъ.

По недостатку знакомства съ многими изъ источниковъ, которыми пользовался г. Лавровъ, мы, конечно, не можемъ въ точности оцѣнить достоинство его произведенія. Мы можемъ предполагать только одно: если бы онъ не имѣлъ бѣльшаго философскаго дарованія, чѣмъ Жюль Симонъ, Фихте-сынъ, то въ его брошюрѣ былъ бы тотъ же самый вовсе не философскій духъ, какой находится въ ихъ произведеніяхъ, и его „Теорія личности“ была бы также плоха, какъ ихъ теоріи. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею. Изъ этого надобно заключать, что г. Лавровъ замѣтилъ многія ошибки тѣхъ посредственныхъ философовъ, которыхъ изучалъ, что онъ умѣлъ понять многія вещи гораздо лучше, нежели они, словомъ сказать, что недостатки его брошюры произошли изъ другихъ книгъ, каковы книги Жюль Симона и Фихте-сына, а достоинствами своими брошюра

обязана въ очень значительной степени самому автору. Мы думаемъ, что это предположеніе вѣрно, и потому желаемъ, чтобы г. Лавровъ продолжалъ писать статьи о философіи.

Точно также въ большую заслугу ему надобно вѣнчить и то, что онъ изучаетъ философію не по однимъ мыслителямъ такого разряда, какъ Шопенгауэръ и Жюль Симонъ. Въ нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ истинно великими нынѣшними мыслителями западной Европы, которое считаетъ лучшими руководствами къ изученію философіи, или произведенія людей нынѣшняго поколѣнія, далеко отставшихъ отъ современнаго развитія мысли, или творенія мыслителей, великихъ, но уже слишкомъ давнихъ и переставшихъ быть удовлетворительными при нынѣшнемъ развитіи наукъ и общественныхъ отношеній, — въ нашемъ обществѣ за великую заслугу надобно считать то, когда человѣкъ, кромѣ плохихъ или обветшалыхъ руководствъ, рекомендуемыхъ ему всѣми встрѣчными и особенно всѣми спеціалистами, самъ доискивается до лучшихъ руководствъ, умѣетъ найти ихъ, умѣетъ понять ихъ. Г. Лавровъ большую часть пути ведетъ своихъ читателей по прямой и хорошей дорогѣ впередъ: это дѣлаетъ ему большую честь, потому что никто въ нашемъ обществѣ не показывалъ ему этой дороги, а вѣроятно всѣ, когда нибудь служившіе ему совѣтниками, толкали его на разныя кривыя тропинки, ведущія по болоту и большею частью назадъ, а не впередъ.

Мы высоко цѣнимъ обѣ эти заслуги: и ту, что г. Лавровъ имѣлъ силу додуматься до результатовъ, гораздо лучшихъ того, что давали ему какіе нибудь Фихте-сыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что онъ умѣлъ найти для своихъ философскихъ изслѣдованій руководства, гораздо лучшія посредственныхъ и отсталыхъ книгъ. Но соединеніе прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ изъ дѣйствительно великихъ и современныхъ мыслителей или внутреннихъ собственнымъ умомъ, съ понятіями, или не совсемъ современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого въ сущности держится г. Лавровъ, или, наконецъ, принадлежащихъ особенному по-

ложенію мыслителя среди публики, непохожей на нашу, и потому получающихъ невѣрный колоритъ при повтореніи у насъ, — это соединеніе собственныхъ достоинствъ съ чужими недостатками придаетъ, если мы не ошибаемся, системѣ г. Лаврова характеръ эклектизма, который производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе на читателя, знакомаго съ требованіями философскаго мышленія. Въ брошюрѣ г. Лаврова встрѣчаются мысли, которыя едва-ли совмѣстны между собою. Мы приведемъ одинъ примѣръ тому.

Г. Лавровъ мыслитель прогрессивный, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По всему видно, что онъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать своему обществу въ приобрѣтеніи нравственныхъ и общественныхъ благъ. Между тѣмъ на первой же страницѣ книжки мы встрѣчаемъ фразу „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ,“ и къ этой фразѣ прибавлена для подтвержденія цитата изъ книги Милля *On liberty*. „Утверждаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствованія большинства, которому непріятно обнаруженіе болѣе замѣтнаго или болѣе богатаго образа жизни, чѣмъ образъ жизни, доступный этому большинству, дѣйствуютъ, какъ довольно дѣйствительный законъ противъ роскоши, и во многихъ мѣстахъ Союза, для лица, имѣющаго значительный доходъ, дѣйствительно трудно найти средства его тратить, не навлекая на себя народнаго неудовольствія.“ Миллю хорошо говорить это: англійская публика знаетъ, какъ понимать его слова, а наша публика подумаетъ богъ-знаетъ что, услышавъ ихъ безъ объясненій. Г. Лавровъ приводитъ отрывокъ изъ Милля не для какой нибудь важной цѣли, а просто для того, чтобы увеличить четырьмя словами „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“ длинный списокъ разныхъ политическихъ или общественныхъ формъ, пережитыхъ или переживаемыхъ западнымъ человѣчествомъ. Для такой неважной надобности, какъ представленіе 27 указаній, вмѣсто 26, не стоило затрогивать факта, требующаго слишкомъ длинныхъ разсужденій. Напрасно Г. Лавровъ привелъ его; но еще хуже, по нашему мнѣнію, вышло оттого, что онъ, указавъ на фактъ, не сказалъ нашей